

Раймонд ПАУЛС:

«У меня две тайны: номер домашнего телефона и место ловли форели»

Любимый композитор миллионов, автор музыки к десяткам фильмов и театральных спектаклей, музыкант, выступивший в 20 тысячах концертов. Нелепая игра судьбы: вдруг с какого-то момента — иностранец для вчерашних своих сограждан, однако при звании народного артиста СССР, лауреата Государственной премии, премии Ленинского комсомола, всесоюзного и международных конкурсов, охотно приезжающий в Москву для съемок в музыкальных программах. Словом, Раймонд Паулс — как много в этом звуке...

— Раймонд Вольдемарович, почему все-таки вы отказались от министерского поста?

— Не по политическим соображениям. Не из амбиции. Не по другим скрытым причинам. Просто я практически усвоил, что человек искусства не может превратиться в министра, иначе он перестанет творить, ничего уже не напишет дельного, не нарисует, не изваяет. Я хочу заниматься именно своим делом.

— А удавалась вам министерская работа? Не тяготила?

— Видите ли, председателем Госкомитета по культуре я стал еще в Латвийской ССР. Работалось с первых дней нелегко. Отлаженная административная (чтобы не сказать: бюрократическая) машина крутилась, стараясь втянуть меня в свои шестерни, но я не поддавался. Прежде всего потому, что не боялся расстаться с этим креслом. Я решил расформировать одно явно ненужное управление; приближенные начали доказывать, что в этом управлении работают бесценные труженики. Но я все-таки издал приказ, и вскоре оказалось, что в вышеупомянутом управлении не было ни малейшей надобности... И так при каждой попытке что-либо изменить, усовершенствовать, упразднить. Очень быстро я понял, что буду идеальным министром с точки зрения своих подчиненных, если не стану ничего менять.

— И тем не менее продолжали реформаторскую деятельность.

— Но это подсказывалось логикой жизни! Например, прекрасное здание занимал городской Дворец пионеров. Эффектный замок, похожий на рыцарский. Я предложил подыскать пионерам удобное и уютное, но более современное помещение, а в замке открыть концертный зал — с органом, с дру-

гими старинными инструментами, требующими большой площади. Меня немедленно назвали «врагом детей»... В общем, в Госкомитете по культуре председателя многие не понимали.

— Вы предприняли, насколько известно, попытки преодолеть кризис театра. Что-либо сдвинулось с места?

— Лишь в течение последнего года-полтора. А до этого... Слишком долго театры были под жестким контролем, под давлением, потеряли массу талантливых людей. Убежден: возрождать театр нужно с коренной реформы профессионального обучения. Критерий оценки работы актеров у меня самый что ни на есть зрительский: не захватывает их игра, и basta! Какое же у администрации право продавать билеты в театр, пребывающий на уровне посредственной самодеятельности? А актеры при этом думают не столько о творчестве, сколько о своих благах и интригах. Ко мне в Госкомитет их много приходило с кляузами друг на друга. И всех нужно было выслушивать, а как же, иначе скажут: бездушный.

— И в это время, конечно, не рождались новые «Листья желтые», новые «Мастро», «Вернисаж», «Миллион алых роз».

— Откуда? Я просыпался среди ночи, мучительно стараясь найти выход из экономической дыры, из кадровых передрыг, из лабиринта бесконечных хлопот, далеких от рояля и нотной бумаги.

— Но вы продолжали появляться на популярных не только в Латвии джазовых фестивалях — «Ритмы лета», «Юрмала» и других.

— Уже не как музыкант. И даже не как композитор.

— А как вы оцениваете эти фестивали?

— Много безвкусицы, неинтересных, порой

карикатурных фигур. Думаю, настанет время, и на моем детище — «Юрмале» — будут выступать исполнители исключительно высокопрофессиональные. И необходимо продумывать программу, чтобы превратить такой фестиваль в звонкое и яркое театрализованное шоу.

— Раймонд Вольдемарович, вырастают новые поколения слушателей, телезрителей, которые о вас далеко не все знают. Как начался ваш путь в искусство?

— «Из-под палки», которую держал в натруженной руке мой отец. Рабочий-стеклодув, он всю жизнь тянулся к прекрасному, к музыке, к сцене. Конечно, никакого специального образования у него не было. Тем более он жаждал дать его своим детям. Сестра моя Эдит стала художницей по gobеленам. А меня с четырех лет усадили силой за рояль. Пытался улизнуть, но у моего отца не больно-то улизнешь. Бесконечно признателен ему за эту каторгу. Позже, в музыкальной школе-десятилетке, я понял, что отец был прав. Окончил по классу фортепьяно Латвийскую консерваторию, диплом с отличием, профессор Браун предлагал аспирантуру. Но к этому моменту я уже руководил студенческим ансамблем и осознал, что мое призвание — эстрада. На Латвийском радио организовали первый эстрадный оркестр — меня поставили во главе его. Решил заняться композицией, еще два года учился в консерватории. Весной 1956-го в эфире прозвучала моя первая песня «Мы встретились в марте».

— Сколько с той поры вышло ваших пластинок?

— Больше ста, считая диски-гиганты. Написал «Синий лен» и, как пишут в романах, «на следующее утро проснулся знаменитым». Тогда уже с большей уверенностью сочинил «Листья желтые над городом кружась».

— Можно заглянуть в творческую лабораторию? Как вы работаете?

— И тогда, и теперь очень просто. Беру стихотворное произведение, соответствующее моему настроению, ходу мыслей, сажусь за рояль и «разговариваю» с этими стихами наедине.

— А как полагаете, почему ваши песни стали петь всюду?

— Наверно, вот почему. Многие мои коллеги композиторы пишут, сразу рассчитывая на профессионального исполнителя. В таких случаях песню не всякий осилит, голоса не хватит. Я считаю, надо писать в расчете на соседа, на ребят у подъезда, на студенческую самодеятельность — на любые голоса. А любой — это значит мой голос, я совсем не певец. Если в моих устах песня звучит, значит, другие споют лучше.

Мне нравятся современные песни Тухманова, Мартынова. Но много, извините за резкость, барахла.

— Как относитесь к критике?

— К ней непременно надо прислушиваться. Но делить на восемь. Критики нередко оценивают эстрадную песню, как будто это опера или симфония, забывая, что эстрада помогает людям прежде всего отдохнуть и развлечься. Ну а когда критик заранее раздражен всем окружающим миром, когда в обычном эстрадном выходе он ищет самолюбование автора, называет «Листья желтые» или «Мастро» «мотыльковыми» песенками, «претендующими на Вечность», я думаю лишь о том, что ему, бедолаге-рецензенту, требуется покой и лечение сном в тихом-тихом санатории.

Дилетантов и на эстраде пруд пруди. Так что же, выводить их со сцены с милицией? Пусть публика сама отбирает кумиров, улучшая или безнадежно портя свой вкус.

— С кем из поэтов предпочитаете работать?

— С теми, чьи стихи проникновенны, искренни, волнующи, чью поэзию можно назвать высокой. В Латвии это Янис Петерс, Дайна Авотинь, Алфред Круклis, Визма Белшевица, Ояр Вацietis, Имант Зиедонис. Удачно сложился контакт с Андреем Вознесенским в «Ноктюрне»; Андрей вручил мне тексты но-

вых песен. И Роберт Рождественский, и Андрей Дементьев дали мне свои стихи. У меня правило: делать несколько песен в год на русском языке.

— Каково вам пишется для кино?

— Очень и очень непросто. Кое-кто считает музыку к фильмам прикладным искусством. А ведь для кинематографа писали Шостакович, Прокофьев, Хачатурян, Шнитке и не считали эту музыку поделкой. Я и для театра люблю писать: вот, для Театра имени Райниса сочинил мюзикл «Приключения Шерлока Холмса» и сделал музыкальные сопровождения к драме Ибсена «Бранд», к комедии Шеридана «Дуэнья». Триста раз там прошли «Краткие наставления в любви» Рудольфа Блаумана с моей музыкой. И для московского телевидения писал — для телефильмов «Театр» (по Сомерсету Моэму) и «Рассказ о печальной судьбе Керри» (по Теодору Драйзеру), за работу в драйзеровской истории получил второй гран-при Сопотского фестиваля, «Янтарную антенну».

— Популярность не мешает вам жить?

— Было бы ханжеством ответить, что мне претит известность и мешает популярность у публики. Нет, не мешает! Очень жду и люблю читать письма, даже если в них высказываются нечто неодобрительное. Но стараюсь, чтобы как можно меньше людей знали мой домашний телефон. Один скажет другому, другой — третьему, а пятый из зависти или других недобрых побуждений позвонит и наговорит такого, пока я не повешу трубку... Как сказал бы Хазанов, пародируя Николая Озерова, нам не нужен такой почитатель!

— Вы, я видел, владеете несколькими инструментами. Какому отдаете предпочтение?

— Для меня король инструментов — рояль! Отнюдь не против всяческих синтезаторов, имитаторов, пусть будут, они добавляют перцу в аранжировку, особенно если оркестрик скромнее по составу. Но при всех электронных изысках, новшествах и дальнейших поисках в этом направлении на второй план не отступят старые добрые скрипки, тромбоны, саксофоны, трубы, гобои. Электроника позволяет продемонстрировать возможности техники, классические инструменты — выразить суть музыканта, раскрыть его душу.

— А бывало, что вы позавидовали (по-доброму!) удачной музыкальной находке другого композитора?

— Много раз! Мир полон музыки, подчас знакомую мелодию слышишь в совершенно незнакомом произведении. Однажды я, устав «барабанить» по клавишам, решил отдохнуть; включил телевизор, там шел какой-то незнакомый мне фильм. И вдруг я услышал с экрана только что написанную мной мелодию! Представляете, как стало обидно? Ну, выключил сейчас же телевизор и сел к роялю, чтобы вместо изобретенного «примуса» (или «велосипеда») придумать нечто совсем новое.

— Но наступает же момент, когда больше не пишется и даже музыку слушать тяжело?

— О, еще как наступает!.. Тогда я все бросаю (все равно ясно, что это предел) и уезжаю ловить форель. Куда — уж извините, не скажу. Такие места настоящие рыбаки держат в глубокой тайне.

— Скажите, Раймонд Вольдемарович, при всех сложностях жизни вы в принципе довольны судьбой?

— Мало сказать, доволен. Я счастлив. Как счастлив каждый, чье хобби совпало с его основным делом. Но это счастье неполно. На сцене и в жизни воцарилось так много безвкусицы. Некогда в Латвии творческая интеллигенция собиралась по вечерам в кафе — просто чтобы пообщаться, поделиться мнениями...

— В Москве тоже — в Доме актера, который, увы, сгорел.

— А ведь такое общение влияло на общий уровень вкуса, уровень культуры. Увы, сметена эта традиция, как были сметены многие другие. Многое нужно сделать, чтобы вернуть к жизни добрые традиции, что в России, что в Латвии.

— Вы теперь за граница. Но в Москву-то будете приезжать?

— А сейчас я что делаю? А что делал Бабионис на недавнем российском кинофестивале? Перифразируя персонажа Чехова, скажу: «Искусство — это такая сила, перед которой пасует даже государственная граница».

Интервью взял
Эдуард ЦЕРКОВЕР.

НА СНИМКАХ: Раймонд Паулс записывается вместе с Лаймой Вайкуле для новогодней телепередачи Российского телевидения.

Фото Н. и А. АГЕЕВЫХ.